

Ариеси С.

Кинокава

ББК 84(5Япо)-44
А81

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Ариёси С.

А81 Кинокава: Роман / Пер. Н.В. Кузьминовой. —
М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — 350 с.

ISBN 978-5-519-73274-1

Савако Ариёси (1931—1984), одна из самых ярких писательниц Японии, в своем романе рассказывает о женщинах трех поколений знатного рода Матани, взрослевших, любивших, страдавших и менявшихся вместе со своей страной на фоне драматических событий японской истории первой половины XX века.

ISBN 978-5-519-73274-1

© Перевод,
ЗАО «Центрполиграф», 2006
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2006

Тоёно уверенно поднималась по каменным ступеням, бежавшим к вершине холма. Три дня тому назад ее седые волосы, давно позабывшие, что такое рука парикмахера, были тщательно уложены мастером, специально выписанным из города Вакаямы. Пряди по обеим сторонам лица подобраны как полагается, а надо лбом слишком сильно выдаются вперед для женщины ее возраста — ведь ей уже почти семьдесят шесть. Любой, кто бросал взгляд на эти пусть поседевшие, но все еще густые и блестящие волосы, ясно представлял себе их былую красоту. Одетая в кимоно с изысканным набивным рисунком, Тоёно шла рука об руку с внучкой. Глава рода Кимото держалась с таким достоинством, что складывалось впечатление, будто старая женщина помогает молодой, а не наоборот. В тот день Тоёно была как никогда полна решимости, ибо настало время ее внучке выйти замуж и навсегда покинуть семью.

Утренний туман ранней весны белым облаком лег на Кудояму. Хана молча поднималась по склону, ощущая исходившую

С
А
В
А
К
О

А
Р
И
Ё
С
И

от бабушки силу. Сияющие волосы девушки были собраны в высокую прическу, лицо пламенело под толстым слоем белил. Декоративные кисти сумочки, спрятанной в рукаве пурпурного фурикодэ¹, тихонько позвякивали на ходу. Напряженная, словно струна, Хана прислушалась к этой нежной мелодии и вдруг почувствовала, как бабушка изо всех сил сжимает ей ладонь. Этим крепким рукопожатием Тоёно как будто бы говорила Хане, что, стоит ей выйти замуж, она перестанет считаться членом семьи Кимото, а дом, в котором она провела двадцать лет, уже не будет ее домом. Но в то же время бабушка хотела показать, как жаль ей расставаться с любимой внучкой.

Настоятель храма Дзисонъин, которому накануне сообщили об их визите, ожидал дам у входа в павильон Мироку². Однако он не стал облачаться в обрядовое одеяние, поскольку Тоёно особо подчеркнула, что они с внучкой не собираются выслушивать заунывные сутры. Настоятель вежливо поклонился, чего, собственно говоря, и следовало ожидать, ведь он принимал у себя не кого-нибудь, а главу одного из самых высококордных семейств префектуры.

¹ Ф у р и с о д э — женское церемониальное кимоно с длинными и широкими рукавами. (*Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. ред.*)

² М и р о к у — японское прочтение имени будхисаттвы Майтрейи, будды будущего, преемника Шакьямуни.

— Какой удачный сегодня день! Примите мои искренние поздравления.

— Спасибо. Просим прощения за столь ранний визит, — поклонилась Тоёно.

Настоятель сказал дамам, что церемониальный зал в их полном распоряжении и, если им вдруг понадобится помощь, они могут в любой момент вызвать служителей, хлопнув в ладоши. После этого он удалился в свои покои, расположенные в северном крыле храма, ибо Тоёно загодя попросила оставить ее с внучкой наедине.

Тоёно поглядела настоятелю вслед, повернулась, подняла глаза на высокую Хану и удовлетворенно кивнула. Они проследовали в павильон Мироку — место упокоения матери Кобо Дайси¹.

— Женщинам не дозволено подниматься на вершину горы Коя², но в Дзисонъин приходить можно. Вот почему это место называется «Коя женщин». Вы ведь знаете об этом, Ханako-сан?

— Да.

— А вам известно, что Кукай явился во сне Кисину и сказал: «Вместо того чтобы возносить мне хвалу десять раз, молитесь девять моей матери»?

— В общих чертах...

¹ К о б о Д а й с и (774—835) — посмертное имя Кукая, главы эзотерического направления в японском буддизме, основателя буддийской школы Сингон («Истинное слово»).

² К о я — священная для японских буддистов гора, на которой построены храмы школы Сингон и мавзолей Кобо Дайси.

к
и
н
о
к
а
в
а

С
А
В
А
К
О

А
Р
И
Ё
С
И

— Быть женщиной — не оправдание за невежество.

— Да, простите меня...

Тоёно тихо сложила руки в молитве и смежила веки. Хана тоже прижала ладонь к ладони, но ее внимание привлекли свисающие с колонны амулеты в виде женских грудей, и она забыла закрыть глаза. Амулеты представляли собой скатанные из хлопка шарики, завернутые в шелк хабутаэ, на каждом ниточкой был завязан сосок. Будущие матери сами делали эти амулеты — отголосок очень популярного среди местного населения культа женской груди — и вешали их здесь, в храме, посвященном матери Кобо Дайси и бодхисаттве Мироку, вымаливая себе легкие роды. Шарики свисали с вершины колонны, некоторые в натуральную величину, другие крохотные, чуть ли не в полсуна¹ диаметром; пара-тройка совсем белые, остальные потемнели от времени. Хана видела эти обереги с самого детства, но сегодня, в день свадьбы, они особенно впечатлили ее, скорее всего, потому, что девушка знала: в скором времени она сама принесет сюда такой же амулет, как делала в период беременности ее мать, а за несколько десятилетий до той — Тоёно, вынашивавшая в своем чреве отца Ханы. Получившая образование в Вакаяме, главном городе бывшей провинции

¹ С у н — японская мера длины, равная 3,03 см.

Кии¹, Хана твердо верила, что предназначение женщины заключается в том, чтобы рожать детей, дабы не дать прерваться линии рода. Мать Ханы умерла рано, и воспитанием ее занималась бабушка. Девушке казалось, что она понимает, отчего Тоёно захотелось побыть с ней наедине в Дзисонъин в этот знаменательный день.

Хана молча закрыла глаза. Она была девственницей, а потому у нее не имелось особых просьб к хранителям храма, дарующим защиту беременным женщинам, но она всем сердцем стремилась ощутить душевное родство с Тоёно.

— Настоятель милостиво пригласил нас в зал церемоний. Идем?

— Конечно.

Тоёно и Хана вошли в зал, опустили перед алтарем на соломенную циновку и снова сложили руки в молитве. Справа от алтаря висел портрет КобоДайси, слева — его матери. Легенда гласила, что картины принадлежат кисти самого Кукая: первая — автопортрет, который он написал, смотрясь в зеркало пруда во время уединения на горе

к
и
н
о
к
а
в
а

¹ После Реставрации Мэйдзи (1867—1868 гг.), политического переворота, в результате которого сёгун Ёсинобу Токугава (1837—1913), последний военный правитель Японии, отказался от власти в пользу семнадцатилетнего императора, в стране были проведены социальные и экономические реформы, в том числе пересмотрено административное деление. Бывшая провинция Кии — современная префектура Вакаяма.

С
А
В
А
К
О

А
Р
И
Ё
С
И

Коя; второй — мандала, нарисованная после того, как он увидел во сне мать, заново рожденную бодхисаттвой Мироку. Как и во многом другом, Хана узнала о происхождении этих свитков от бабушки.

— Больше у меня нет для вас советов, — тихо проговорила Тоёно, обернувшись к Хане. — Берегите себя.

— Не волнуйтесь за меня, бабушка.

— Мы будем редко видеться, ведь вы далеко уезжаете. Мне нечего вам сказать, но я хотела прийти сюда с вами, чтобы мы могли немного побыть одни.

С самого утра Тоёно обращалась к Хане с большим почтением, чем обычно, словно уже считала ее членом другой семьи. Но вполне возможно, этой учтивостью Тоёно просто хотела выразить невыносимую тоску, охватившую ее при мысли о прощании с любимой внучкой. Хана почувствовала на себе взгляд бабушки, но промолчала. С первых дней Тоёно делала все, чтобы ни на секунду не отпускать от себя внучку; ее любовь к девочке граничила с одержимостью. Молва утверждала, что хозяйка дома Кимото никогда не нянчилась ни с родным сыном Нобутакой, ни с внуком Масатакой, но пришла пора, и она излила все свои неистраченные чувства на внучку. Идея послать Хану, как и ее брата, на несколько лет в школу в Вакаяму принадлежала именно ей — крайне необычный поступок для тех времен. Несмотря на то что Тоёно не привыкла к городской жизни, все эти годы

она тоже провела в Вакаяме, лишь бы быть рядом с девочкой. Никто не сомневался, что Тоёно примет мужа Ханы в свою семью, иначе она не стала бы давать внучке образование, которое годится скорее для ученого мудреца, — разумно рассуждал народ. Кроме того, в свое время муж Тоёно тоже вступил в семью жены. Бабушка наверняка собиралась выбрать для внучки самого лучшего мужчину из восточных земель, ибо юная девица Кимото отличалась красотой, умом и покладистым нравом. Положа руку на сердце, когда-то Тоёно действительно вынашивала такие планы. Она никак не могла забыть мать Ханы, Мио, которая умерла совсем молоденькой; бедняжка так боялась свекрови, что вся трепетала в ее присутствии. Тоёно не хотела, чтобы Хану постигла та же участь. Хана была единственной дочерью Мио, и Тоёно свято верила в то, что, передав внучке все свои знания, она обеспечит ей богатую и достойную жизнь. Хана была редкой красоты цветком¹, какого еще не приносило родовое древо знаменитого клана Кимото из провинции Кию, и Тоёно тщательно ухаживала за ним. Хана изучила все премудрости чайной церемонии и искусство каллиграфии, у нее имелось письменное свидетельство о том, что она освоила хитрости игры на кото², а под чутким

к
и
н
о
к
а
в
а

¹ Игра слов: «хана» по-японски — «цветок».

² К о т о — тринадцатиструнный музыкальный инструмент, род гуслей.

С
А
В
А
К
О

А
Р
И
Ё
С
И

руководством Тоёно девушка овладела основами изысканной речи и достойного поведения. Таким образом, она постигла все, что полагалось знать дочери прославленно-го семейства, больше учиться было нечему.

Неудивительно, что брачные предложения из Кудоямы, Дзисонъин и других ближних и дальних деревень поступали нескончаемым потоком. Но Тоёно отвергла все до единого. Она ни словом не обмолвилась о готовности принять мужа Ханы в свой дом или позволить им основать младшую ветвь семейства, всегда находила в женихе какой-нибудь изъян и отклоняла предложение. Чаще всего ее не устраивало общественное положение кандидатов, но она неизменно придумывала какой-нибудь благовидный предлог для отказа. К примеру, когда руки Ханы попросил второй сын Осава, старинного рода из деревни Дзисонъин, Тоёно не дала согласия на том основании, что ее младшая сестра вышла замуж за представителя той же семьи, а следовательно, молодые люди приходятся друг другу двоюродными братом и сестрой, то бишь состоят в слишком близком родстве. Нобутака, формальный глава дома Кимото, был скромным человеком, послушным сыном и находился в беспрекословном подчинении у Тоёно. У него не хватало смелости не только вступить с матерью в спор, но даже спросить, действительно ли она хочет привести мужа Ханы в их дом.